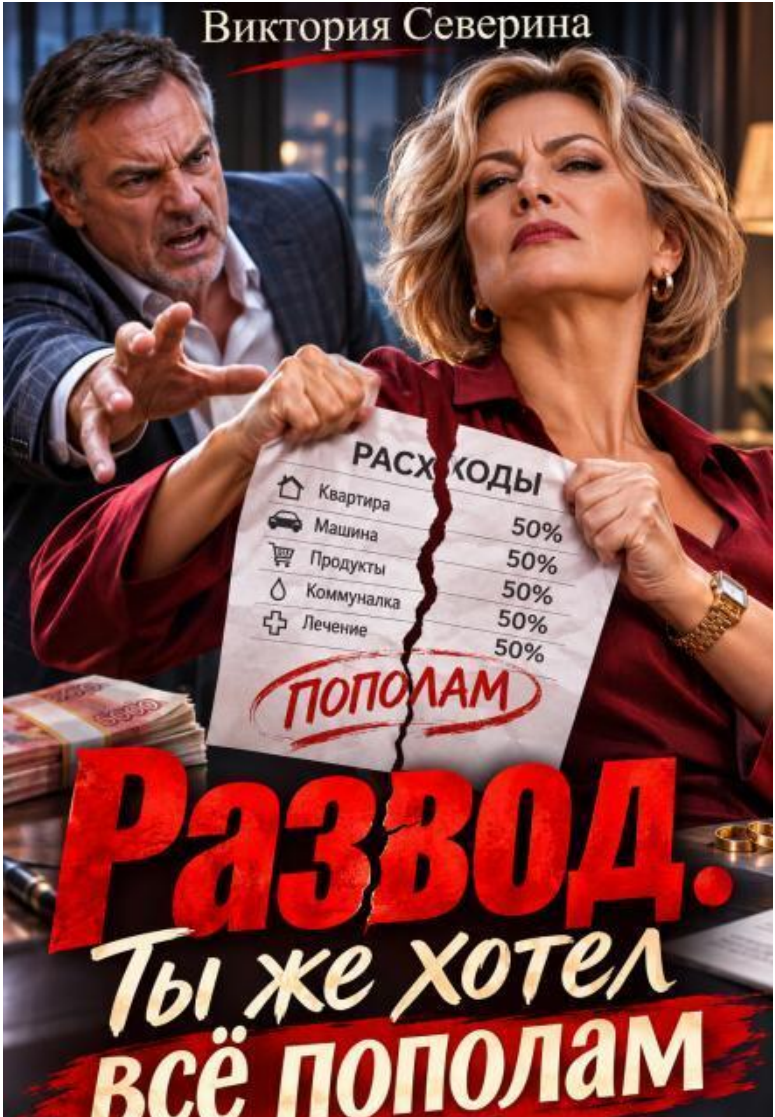

Виктория Северина
РАСХОДЫ
Квартира 50%
Машина 50%
Продукты 50%
Коммуналка 50%
Лечение 50%
ПОПОЛАМ
Развод.
Ты же хотел
всё пополам

Виктория Северина

Развод. Ты же хотел всё пополам

https://litres.ru/74790569

Аннотация

Муж потребовал с меня 490 рублей за такси из больницы — и даже не подозревал, во сколько ему самому обойдётся его любимое «всё пополам»!

После двадцати девяти лет брака Станислав вдруг решил, что я слишком дорого ему обхожусь.

— С тебя сорок семь тысяч в месяц, Галя. Ровно половина наших расходов. Хочешь равноправия — плати!

Он зарабатывает двести шестьдесят тысяч. Я — шестьдесят пять. Но его это совершенно не волнует.

Мои лекарства после больницы? Моя проблема. Его новая кофемашина за семьдесят тысяч? Будь добра, оплати половину! А готовить, стирать и убирать за ним я, разумеется, должна бесплатно.

Но вскоре я узнаю настоящую причину его внезапной любви к справедливости.

Мой муж тайком выбирает роскошную квартиру у моря. На одного. И собирается потратить на неё двенадцать миллионов, которые считает исключительно своими!

Что ж, дорогой. Ты сам захотел всё пополам.

Только почему-то мне кажется, что настоящая справедливость тебе очень не понравится...

Содержание

ГЛАВА 1. ПОЛОВИНА СТОИМОСТИ ТАКСИ 5
ГЛАВА 2. ТВОЯ ПОЛОВИНА — СОРОК СЕМЬ ТЫСЯЧ 29
ГЛАВА 3. ОБЩАЯ КОФЕМАШИНА 57
Конец ознакомительного фрагмента. 58

ГЛАВА 1. ПОЛОВИНА СТОИМОСТИ ТАКСИ

Галина уже почти час сидела на жёсткой скамейке возле больничного гардероба, когда телефон наконец завибрировал у неё в руке. За стеклянными дверями приёмного отделения медленно кружился мелкий снег, оседая на ступенях и мокром асфальте. Нога, которую она держала немного вытянутой, неприятно ныла, а от яркого света над головой начинала болеть голова. Выписку ей отдали ещё в половине двенадцатого, настоятельно посоветовав несколько дней провести дома, избегать лишних нагрузок и при ухудшении самочувствия немедленно обращаться к врачу. Галина поблагодарила молоденькую медсестру, собрала немногочисленные вещи и позвонила мужу, с которым ещё накануне договорилась, что он заберёт её из больницы. Станислав тогда ответил коротко, что помнит, и попросил больше не отвлекать его по пустякам. Теперь, судя по часам, он либо забыл об обещании, либо решил, что жена вполне может подождать.

— Ну наконец-то, Стас! — произнесла Галина, едва приняв вызов. Она попыталась подняться со скамейки, но боль в ноге заставила её снова опуститься на сиденье. — Ты где? Меня уже час назад выписали, я тебе дважды звонила. Тут сидеть негде толком, у меня голова раскалывается, а ты даже

трубку не берёшь!

— Галя, я работаю, между прочим, — раздражённо ответил Станислав, и по его голосу она сразу поняла, что хорошего настроения у мужа нет. На заднем плане слышались какие-то голоса, хлопнула дверь. — Я же сказал, что заберу. Зачем названивать каждые пять минут? Вызвал машину, сейчас буду. Ты там приготовься, чтобы мне ещё полчаса тебя ждать не пришлось.

Галина хотела напомнить, что за последний час звонила всего два раза, но Станислав уже отключился. Она несколько секунд смотрела на погасший экран, затем убрала телефон в сумку и осторожно выпрямила больную ногу. За пять дней, проведённых в больнице, ей успели надоесть и запах лекарств, и бесконечные разговоры соседок по палате, и необходимость каждый раз просить кого-нибудь подать вещи с верхней полки. Больше всего хотелось вернуться домой, принять душ, лечь в собственную постель и хотя бы на несколько часов забыть о неприятном происшествии. Ещё утром Галина представляла, как Станислав встретит её у выхода, возьмёт сумку, спросит о самочувствии. Она не ждала каких-то особенных проявлений нежности, хотя после двадцати девяти лет брака подобное внимание казалось ей совершенно естественным. Теперь же приходилось сидеть в больничном коридоре и чувствовать себя провинившейся школьницей, которая заставила занятого взрослого человека отвлечься от важных дел.

Муж появился минут через двадцать. Галина заметила его ещё через стеклянные двери: высокий, плотный мужчина в тёмном пальто быстро прошёл от остановившегося автомобиля к больничному входу, на ходу поправляя шарф. Станиславу недавно исполнилось пятьдесят девять, однако он всё ещё старательно следил за внешностью, регулярно посещал парикмахера и любил хорошо одеваться. Посторонние нередко говорили Галине, что её муж выглядит представительным и даже моложе своих лет. Она сама когда-то гордилась его аккуратностью и привычкой держаться уверенно в любой компании. Сейчас, глядя на недовольное лицо Станислава, женщина подумала только о том, что за последние годы он всё чаще стал приходить домой именно с таким выражением.

— Ты чего сидишь? — спросил муж, остановившись возле скамейки. Он посмотрел на сумку у её ног, потом на часы и недовольно нахмурился. — Машина ждёт, между прочим. Я и так сегодня полдня потерял из-за твоих больничных дел. Вставай потихоньку, поехали.

— А поздороваться ты не хочешь? — Галина подняла голову и посмотрела на него с нескрываемой обидой. Она медленно встала, придерживаясь за спинку скамейки, и поправила съехавший с плеча шарф. — Пять дней меня дома не было, Стас. Ты хоть спросил бы, как я себя чувствую. Или тебе совсем неинтересно?

Станислав вздохнул, словно жена задала ему чрезвычайно

утомительный вопрос. Он всё-таки взял её сумку, но сделал это с таким видом, будто выполнял бессмысленную обязанность. Затем посмотрел на её ногу и заметил, что раз она самостоятельно стоит, значит, ничего страшного с ней не произошло. Галина почувствовала, как у неё вспыхнули щёки, однако спорить посреди больничного коридора не захотела. Она медленно направилась к выходу, стараясь не слишком заметно прихрамывать, а муж пошёл впереди и придержал дверь только после того, как она сердито окликнула его.

На улице было холоднее, чем Галина ожидала. Снег, смешанный с дождём, неприятно бил в лицо, а под ногами блестела тонкая ледяная корка. Женщина остановилась перед ступенями, осторожно выбирая, куда поставить больную ногу. Станислав уже дошёл до автомобиля и обернулся лишь тогда, когда понял, что жена отстала. Он нетерпеливо махнул рукой, показывая, чтобы она поторопилась. Галина в ответ сердито попросила его не размахивать руками, а подойти и помочь спуститься. Муж вернулся, подставил локоть и молча проводил её к машине. Всего этого можно было избежать, подумала она, если бы он с самого начала уделил ей немного внимания.

В салоне такси было тепло, пахло освежителем воздуха и мокрой одеждой. Галина с облегчением устроилась на заднем сиденье и вытянула ногу насколько позволял коврик перед ней. Станислав сел рядом, достал телефон и немедленно принялся отвечать на сообщения. Несколько минут они

ехали молча, пока водитель осторожно выбирался с узкой больничной улицы на оживлённый проспект. За окном проплывали серые дома, грязные сугробы и люди, спешившие по тротуарам. Галина смотрела на них, пытаясь отвлечься от неприятного ощущения в висках, но раздражение постепенно становилось сильнее усталости.

— Ты хоть понимаешь, что я не специально упала? — спросила она наконец, повернувшись к мужу. Станислав не сразу поднял глаза от телефона, и это только сильнее её разозлило. — Ты со мной разговариваешь так, будто я назло тебе устроила эту больницу. Мне самой, между прочим, приятного мало. Я пять дней пролежала неизвестно где, а теперь должна ещё и оправдываться.

— А кто тебя обвиняет? — Станислав убрал телефон и недовольно посмотрел на жену. Он говорил негромко, но в его голосе слышалось привычное раздражение. — Я просто сказал, что нужно быть осторожнее. В твоём возрасте уже пора смотреть под ноги, особенно зимой. А ты вечно куда-то торопишься. Вот и результат.

— В моём возрасте? — переспросила Галина, едва сдерживая возмущение. Она повернулась к окну, затем снова посмотрела на мужа. — Ты меня на четыре года старше, Стас. И не надо делать вид, будто со мной случилось что-то невероятное. Там весь подъезд обледенел, я на второй ступеньке поскользнулась. Хорошо ещё, что обошлось без перелома.

Станислав пожал плечами и снова взялся за телефон. Он

заметил, что теперь придётся какое-то время обходиться без её обычной помощи по дому, а это очень некстати, потому что на работе у него и без того хватает забот. Галина посмотрела на мужа так, словно впервые услышала подобные слова. Она ждала хотя бы простого вопроса о том, что ей сказали врачи, но Станислав уже листал сообщения и, кажется, совершенно не замечал её состояния. До самого дома они больше почти не разговаривали. Лишь когда автомобиль остановился у подъезда, муж раздражённо заметил, что поездка вышла недешёвой, и приложил телефон к экрану, подтверждая оплату.

Поднимались они медленно. Галина старалась не опираться на мужа слишком сильно, поскольку тот уже дважды недовольно посмотрел на часы. В квартире было прохладно и непривычно тихо. На кухонном столе стояла немытая кружка, возле раковины громоздилась посуда, а на спинке стула висела вчерашняя рубашка Станислава. Женщина несколько секунд оглядывала знакомую кухню, чувствуя, как неприятно сжимается горло. За пять дней муж не удосужился даже нормально прибраться. Впрочем, особенно удивляться не приходилось: последние годы он всё чаще оставлял домашние дела на неё, объясняя, что слишком много работает и зарабатывает достаточно, чтобы не заниматься подобными мелочами.

— Ну что, дома наконец, — сказал Станислав, снимая пальто. Он прошёл на кухню, открыл холодильник и несколь-

ко секунд изучал содержимое. — А у нас тут есть что-нибудь поесть? Я сегодня толком не обедал. Вчерашние котлеты закончились, а суп я ещё позавчера доел.

— Стас, я только из больницы вернулась! — Галина остановилась в дверях кухни и возмущённо посмотрела на мужа. Ей хотелось немедленно пройти в спальню, снять тесную одежду и лечь, но теперь приходилось снова объяснять очевидное. — Ты не мог хотя бы на сегодняшний день что-нибудь приготовить? Или купить готовую еду по дороге? Я вообще-то больна, если ты забыл.

— Не надо так кричать, у меня от твоего голоса самого голова заболит, — поморщился Станислав. Он достал из холодильника упаковку сыра, посмотрел на срок годности и положил обратно. — Я просто спросил, есть ли еда. Могла бы сказать нормально. И вообще, ты же не лежачая больная. Суп какой-нибудь сварить вполне сможешь, если захочешь.

Галина почувствовала, как от возмущения у неё задрожали пальцы. Она несколько секунд молча смотрела на мужа, ожидая, что тот хотя бы заметит выражение её лица, но Станислав уже наливал себе воду. Женщина развернулась и пошла в спальню. Там она села на край кровати, осторожно сняла обувь и долго растирала ноющую ногу. Хотелось расплакаться, но слёз почему-то не было. Вместо них появилось тяжёлое, неприятное раздражение, которое она не могла ни проглотить, ни высказать до конца. Галина прекрасно знала, что Станислав умеет быть внимательным. Когда-то он встре-

чал её после работы, если на улице начиналась гроза, приносил любимые пирожные, помнил о годовщинах и даже сам готовил ужины по выходным. Но теперь всё это словно осталось в другой жизни.

Через некоторое время муж заглянул в спальню и поинтересовался, долго ли она собирается отдыхать. Галина ответила, что намерена лежать столько, сколько потребуется, и попросила оставить её в покое. Станислав раздражённо заметил, что не собирается голодать из-за её плохого настроения, после чего ушёл на кухню. Вскоре оттуда донеслись звон посуды и хлопанье дверцы холодильника. Галина лежала, глядя в потолок, и с горечью думала, что мужу понадобилось почти тридцать лет брака, чтобы начать воспринимать приготовленный для него ужин как нечто обязательное, не требующее даже простой благодарности.

Два года назад всё было совсем иначе. Тогда Станислав перенёс операцию и почти два месяца восстанавливался дома. Галина взяла часть отпуска, договаривалась о необходимых обследованиях, готовила ему отдельно, ездила за лекарствами и просыпалась среди ночи, когда мужу становилось плохо. Иногда она уставала настолько сильно, что едва находила силы принять душ перед сном, однако ни разу не попрекнула его собственной усталостью. Станислав тогда часто говорил, что не представляет, как справился бы без неё. Галина верила этим словам и даже испытывала тихую гордость от сознания, что сумела помочь любимому человеку пере-

жить трудное время. Теперь, вспоминая те месяцы, она никак не могла понять, когда именно муж перестал считать её заботу проявлением любви и начал воспринимать как обычную обязанность.

К вечеру Галина всё-таки поднялась с постели. Голод давал о себе знать, а приготовленные мужем бутерброды давно закончились. Она сварила себе немного каши, сделала чай и медленно поела за кухонным столом. Станислав расположился в гостиной перед телевизором и несколько раз спрашивал, не собирается ли жена готовить полноценный ужин. Галина отвечала, что сегодня обойдётся без сложных блюд, и предлагала ему самостоятельно разогреть что-нибудь из морозилки. Муж недовольно ворчал, но в конце концов заказал доставку. Когда курьер принёс пакет, Станислав демонстративно поставил его на свою сторону стола и заметил, что теперь приходится тратить деньги даже на обычную еду. Галина не выдержала и напомнила, что готовила ему почти каждый день на протяжении многих лет. Муж ответил, что не собирается выяснять отношения из-за какого-то ужина, хотя именно он несколько часов подряд не давал ей спокойно отдыхать.

Перед сном Станислав ещё раз заглянул в спальню. Галина уже переоделась, выпила назначенные лекарства и собиралась выключить свет. Муж некоторое время стоял в дверях, рассматривая её с недовольным выражением, затем поинтересовался, будет ли утром завтрак. Женщина медленно

повернула к нему голову и попросила хотя бы один день не требовать от неё привычного обслуживания. Станислав раздражённо ответил, что она совершенно напрасно превращает небольшую травму в семейную трагедию. После этих слов он ушёл спать в гостиную, хлопнув дверью громче обычного. Галина долго лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к приглушённым звукам телевизора. За последние годы они ссорились довольно часто, но прежде муж хотя бы иногда находил возможность помириться первым. Теперь он словно намеренно ждал, когда она сама придёт извиняться за собственное недовольство.

На следующий день Галина проснулась поздно. Станислав уже уехал на работу, оставив на кухонном столе пустую чашку и тарелку с крошками. Женщина почувствовала привычное желание немедленно убрать посуду, но остановила себя и сначала спокойно позавтракала. Потом позвонила на работу, поговорила с коллегой, которая интересовалась её самочувствием, и пообещала передать необходимые бумаги, когда почувствует себя лучше. После разговора настроение немного улучшилось. Галина любила свою работу, привыкла к людям, с которыми ежедневно общалась, и даже сейчас, находясь на больничном, испытывала приятное чувство оттого, что коллеги помнили о ней и беспокоились. Она решила, что несколько дней отдыха действительно пойдут на пользу, если только Станислав перестанет превращать каждую мелочь в повод для раздражения.

К вечеру женщина чувствовала себя заметно лучше. Она немного прибралась, приготовила лёгкий ужин и даже успела поговорить с Верой, которая настойчиво предлагала приехать на выходных. Галина не стала подробно рассказывать подруге о поведении мужа, ограничившись замечанием, что Станислав опять стал невыносимо раздражительным. Вера посоветовала не обращать внимания на его ворчание и побольше отдыхать. Женщина согласилась, хотя прекрасно понимала, что чужие советы не способны изменить обстановку в доме. Когда около семи часов повернулся ключ во входной двери, она уже сидела на кухне с чашкой чая и просматривала новости в телефоне. Муж вернулся в хорошем костюме, с аккуратно уложенными волосами и неожиданно довольным выражением лица. Галина даже обрадовалась, решив, что вчерашнее недоразумение наконец осталось позади.

— Ну как ты тут? — спросил Станислав, проходя на кухню. Он снял пиджак, повесил его на спинку стула и заглянул в кастрюлю, стоявшую на плите. — Вижу, уже получше. Молодец, что поела нормально. Я, кстати, сегодня кое-что полезное придумал. Давно собирался этим заняться, да всё руки не доходили.

— Что ещё придумал? — Галина отложила телефон и с осторожным любопытством посмотрела на мужа. Его довольный вид после вчерашнего раздражения казался несколько подозрительным. — Только не говори, что снова

решил переставить мебель. У меня сейчас совершенно нет сил заниматься твоими переделками.

Станислав усмехнулся, достал из портфеля прозрачную папку и положил её на стол. Внутри лежало несколько распечатанных листов, аккуратно скреплённых в верхнем углу. Муж сел напротив Галины, разгладил бумаги ладонью и предложил ей внимательно ознакомиться с содержимым. Женщина взяла первый лист и увидела таблицу с датами, названиями покупок и суммами. Некоторое время она без особенного интереса рассматривала знакомые строки: продукты, коммунальные платежи, бытовые принадлежности, какие-то поездки и хозяйственные расходы. Станислав следил за её лицом с таким удовлетворением, словно собирался представить особенно удачное решение давно мучившей их проблемы.

— Я решил, что нам давно пора навести порядок с деньгами, — объявил он, придвигая к жене второй лист. Он говорил спокойно, обстоятельно и явно наслаждался собственной предусмотрительностью. — Посмотри, сколько всего тратится каждый месяц. А ведь большую часть расходов оплачиваю я. Получается, один человек фактически содержит другого, хотя оба работают. Согласись, это неправильно.

Галина подняла глаза от таблицы и несколько секунд молча смотрела на мужа. Она прекрасно знала, что Станислав зарабатывает значительно больше, поскольку занимал руководящую должность в крупной компании. Сама она много

лет работала специалистом по охране труда на транспортном предприятии и никогда не считала собственную зарплату поводом для стыда. До сих пор супруги распоряжались деньгами без строгого разделения: Станислав оплачивал крупные покупки и часть постоянных расходов, Галина чаще покупала продукты, бытовые мелочи, одежду и необходимые вещи для дома. Они обсуждали значительные траты, откладывали деньги на будущее и никогда прежде не составляли друг другу подробных счетов.

— Стас, ты сейчас серьёзно? — спросила она, отодвигая распечатку. Ей не понравилось, с какой лёгкостью муж назвал их семейную жизнь содержанием одного человека другим. — Мы двадцать девять лет вместе живём. Ты больше зарабатываешь, я меньше, зато у меня на хозяйстве почти всё держится. Ты когда последний раз сам продукты покупал? Или хотя бы вспомнил, сколько у нас за свет платить нужно?

— Вот только не надо сразу обижаться, — ответил Станислав, поморщившись. Он взял лист обратно и постучал пальцем по верхней строке. — Я ведь тебя ни в чём не обвиняю. Просто предлагаю разумную систему. У каждого из нас есть зарплата, значит, каждый должен оплачивать половину общих расходов. Тогда никаких претензий друг к другу не будет. Всё честно и справедливо.

Галина снова посмотрела на таблицу. Чем дольше она изучала распечатку, тем сильнее становилось раздражение. Муж перечислил почти все расходы за последние недели, вклю-

чая покупки, о которых она сама давно забыла. Некоторые суммы относились к продуктам, которые Станислав покупал исключительно для себя, другие — к поездкам, совершённым по его собственной необходимости. Возле каждой строки стояла цифра, обозначавшая половину стоимости. Галина начала было объяснять, что подобный подсчёт ничего не говорит о реальном вкладе каждого супруга в семейную жизнь, но вдруг заметила запись в нижней части страницы. Она придвинула бумагу ближе, перечитала строку и почувствовала, как по лицу разливается жар.

— Такси из больницы, девятьсот восемьдесят рублей, — медленно прочитала Галина. Она подняла голову и посмотрела на мужа, ожидая увидеть хотя бы тень смущения. — Доля Галины — четыреста девяносто рублей. Стас, это что такое? Ты мне объясни, пожалуйста, я, наверное, чего-то не понимаю.

— А чего тут понимать? — Станислав удивлённо посмотрел на жену и пожал плечами. Он даже наклонился над бумагой, словно хотел убедиться, что она правильно прочитала сумму. — Машина стоила девятьсот восемьдесят рублей, я оплатил поездку полностью. Значит, твоя половина — четыреста девяносто. Всё же написано, Галя. Я специально подробно расписал, чтобы потом никаких вопросов не возникало.

Галина несколько секунд не могла произнести ни слова. Она снова посмотрела на бумагу, потом на довольное лицо

мужа и вдруг коротко рассмеялась, не столько от веселья, сколько от совершенной нелепости услышанного. Станислав нахмурился, явно не понимая причины её реакции. Женщина положила лист на стол, медленно разгладила его ладонью и снова прочитала злополучную строку. Ей казалось, что муж непременно должен признаться в неудачной шутке, но тот продолжал сидеть напротив, ожидая ответа. Галина почувствовала, как первоначальное недоверие уступает место настоящему гневу.

— Ты выставил мне счёт за то, что забрал меня из больницы? — спросила она, уже не пытаясь скрывать возмущение. Голос прозвучал громче, чем она собиралась, и Станислав недовольно поморщился. — Ты, мой собственный муж, требуешь с меня четыреста девяносто рублей за поездку домой? А за то, что ты соизволил приехать, я тебе ничего не должна? Может, ещё время своё посчитаешь? Сколько там у тебя рабочий час стоит, Стас? Давай уж сразу всё выставляй, чтобы я знала, во сколько мне обошлась твоя забота!

— Галя, прекрати кричать, — раздражённо произнёс Станислав, откидываясь на спинку стула. Он скрестил руки на груди и посмотрел на жену с явным неодобрением. — Ничего особенного я не требую. Мы оба ехали в машине, значит, и расходы общие. А насчёт времени ты вообще зря язвишь. Я действительно пожертвовал важной встречей, чтобы тебя забрать. Между прочим, могла бы за это хотя бы спасибо сказать.

Галина резко отодвинула стул, но больная нога немедленно напомнила о себе. Она ухватилась за край стола, переждала неприятное ощущение и снова посмотрела на мужа. Тот даже не попытался подняться, хотя прекрасно видел, что ей больно. Вместо этого Станислав продолжал сидеть с недовольным выражением лица, будто жена своим возмущением испортила совершенно разумное обсуждение семейных финансов. Именно эта его невозмутимость разозлила Галину сильнее всего. Она ещё могла бы понять неудачную шутку, необдуманное замечание или даже ссору из-за денег, но муж явно не видел ничего предосудительного в том, что потребовал оплатить половину поездки больной супруги домой.

— Спасибо тебе, Станислав, огромное человеческое спасибо! — воскликнула она, чувствуя, как дрожит голос. Галина оперлась ладонями о стол и наклонилась к мужу. — Спасибо, что приехал за собственной женой после пяти дней в больнице! Спасибо, что не заставил меня самой добираться с больной ногой! Может, мне ещё перед тобой на колени встать? Или расписку написать, что обязуюсь всю жизнь помнить твою невероятную доброту?

— Ну вот, опять начинается, — недовольно протянул Станислав. Он взял лист и попытался выровнять загнувшийся угол, словно бумага интересовала его гораздо больше происходящего разговора. — Ты совершенно не умеешь спокойно обсуждать деньги. Стоит только заговорить о справедливом распределении расходов, как ты сразу устраиваешь истери-

ку. А ведь я ничего обидного не сказал. Просто предложил честные правила, одинаковые для нас обоих.

— Честные правила? — Галина выпрямилась и от возмущения всплеснула руками. Она несколько секунд пыталась подобрать слова, но перед глазами вдруг всплыли совсем другие события. — А когда ты два года назад после операции лежал, какие у нас были правила? Напомни мне, пожалуйста! Я тогда отпуск взяла, чтобы за тобой ухаживать. По врачам тебя возила, лекарства покупала, ночами вставала, когда тебе плохо было. Ты хоть раз спросил, сколько я на всё это потратила? Или предложил мне половину вернуть?

Станислав тяжело вздохнул и демонстративно посмотрел на часы. Галина прекрасно помнила тот трудный период, но особенно ясно сейчас представила одну из ночей, когда муж несколько часов мучился от боли. Она сидела рядом с ним до утра, меняла влажное полотенце на его лбу, следила за лекарствами и боялась даже ненадолго выйти из комнаты. На следующий день пришлось ехать в аптеку через половину города, потому что нужного препарата не оказалось поблизости. Тогда Станислав крепко держал её за руку и говорил, что без неё ни за что не справился бы. Галина не собиралась когда-либо напоминать ему об этом ради благодарности, но теперь сама мысль о мужнином счёте за такси казалась ей настоящим издевательством над всем, что они пережили вместе.

— Два года назад были совершенно другие обстоятель-

ства, — ответил Станислав после короткой паузы. Он явно хотел закончить неприятный разговор и потому заговорил ещё более сухо. — И вообще, не надо теперь всю жизнь вспоминать, как ты за мной ухаживала. Ты была моей женой, это совершенно естественно. Я же не требовал, чтобы ты круглосуточно возле кровати сидела. Сама всё организовывала, а теперь почему-то считаешь это особенной заслугой.

Галина почувствовала, как её словно обдали холодной водой. Она медленно опустилась на стул и несколько секунд смотрела на мужа, пытаясь осмыслить услышанное. Станислав продолжал рассуждать о том, что каждый взрослый человек обязан отвечать за собственные расходы, но женщина почти не слушала. Её больше всего поразило не то, что он не желал благодарить за прошлое, а то, с какой лёгкостью перечеркнул месяцы, которые она до сих пор вспоминала как одно из самых трудных испытаний их семьи. Оказывается, тогда она всего лишь выполняла естественные обязанности жены, а теперь, когда помощь понадобилась ей самой, должна была оплачивать её по установленному тарифу.

— Значит, я была твоей женой, когда тебе плохо было, — медленно произнесла Галина, не сводя глаз со Станислава. Она уже не кричала, но от напряжения у неё дрожали пальцы, лежавшие на краю стола. — А ты мне кто, Стас? Сосед? Посторонний человек, которого я наняла довезти меня из больницы? Ты сам-то слышишь, что говоришь? Я ведь не прошу у тебя денег. Не требую подарков и каких-то особен-

ных условий. Мне просто хотелось, чтобы мой собственный муж обо мне позаботился.

— Вот именно, Галя, ты постоянно говоришь, что ничего не просишь, — возразил Станислав, оживившись так, будто наконец услышал удобный довод. Он придвинул к себе распечатку и постучал пальцем по таблице. — Только на деле всё получается иначе. Я оплачиваю одно, другое, третье, а ты считаешь это само собой разумеющимся. Потому что муж обязан, муж должен, муж заработает. А я, между прочим, тоже не мальчик. Мне скоро шестьдесят, и я хочу наконец понимать, куда уходят мои деньги.

— Твои деньги? — Галина с силой сжала край стола и снова повысила голос. Она не могла поверить, что после стольких лет совместной жизни муж начал делить их доходы подобным образом. — А мои деньги куда уходят, ты считал? Кто продукты каждый день покупает? Кто за домом следит? Кто тебе рубашки стирает, гладит, готовит, убирает? Или это всё само происходит, пока ты свои миллионы зарабатываешь? Я, между прочим, всю жизнь работала. Ни одного дня у тебя на шее не сидела!

Станислав неожиданно улыбнулся, и эта улыбка показалась Галине особенно неприятной. Муж словно ждал именно таких слов. Он выпрямился, придвинул к жене первый лист и заговорил спокойнее, почти доброжелательно, отчего происходящее стало выглядеть ещё более унизительным. Теперь, по его словам, они наконец подошли к главному во-

просу. Если Галина считает себя самостоятельной работающей женщиной, значит, у неё не должно возникать никаких возражений против равного участия в семейных расходах. Станислав подчеркнул, что ничего не собирается у неё отнимать и всего лишь предлагает установить понятные правила на будущее.

— Вот и прекрасно, что ты сама это сказала, — произнёс он, аккуратно сложив руки на столе. Станислав смотрел на жену с выражением человека, которому удалось наконец объяснить собеседнику очевидную истину. — Раз ты никогда у меня на шее не сидела, значит, будешь спокойно оплачивать свою половину. Я тебе на следующей неделе окончательный расчёт за месяц подготовлю. Дальше каждый будет вносить равную сумму, без обид и бесконечных споров. До десятого марта переведёшь первый взнос, а потом будем придерживаться этого порядка постоянно.

Галина смотрела на мужа и никак не могла понять, когда он успел превратиться в совершенно чужого человека. Она знала о его привычке считать деньги, помнила раздражение из-за дорогих покупок и многочисленные споры последних лет, но прежде Станислав никогда не предлагал разделить их семейную жизнь таким образом. Ей стало особенно обидно оттого, что он явно подготовился к разговору заранее: собрал чеки, распечатал таблицы, придумал сроки и теперь с удовольствием наблюдал, как жена пытается возразить. В какой-то момент Галина даже подумала, что дело вовсе не в

деньгах. Мужу словно доставляло удовольствие заставлять её оправдываться и доказывать, что она имеет право пользоваться тем, что они вместе создавали почти тридцать лет.

— Я тебе ничего сейчас переводить не собираюсь, — сказала Галина, отодвигая распечатку к мужу. Она говорила резко, не пытаясь скрыть ни раздражения, ни обиды. — И прежде чем устанавливать какие-то новые правила, ты со мной сначала нормально поговоришь. Не как с подчинённой на работе, которой ты поручение выдаёшь, а как с собственной женой. Потому что я не собираюсь жить по условиям, которые ты один придумал, даже не спросив моего мнения.

— А вот это уже разговор ни о чём, — ответил Станислав, и довольное выражение постепенно исчезло с его лица. Он собрал листы, выровнял их и снова положил перед женой. — Я всё объяснил совершенно понятно. Мне надоело одному оплачивать большую часть семейных расходов. Если ты считаешь себя самостоятельной женщиной, значит, будь добра подтвердить это не только словами. А устраивать скандалы из-за четырёхсот девяноста рублей просто смешно.

Галина резко поднялась. В этот раз она даже не сразу почувствовала боль в ноге, настолько сильно её возмутили последние слова. Станислав тоже встал, однако не приблизился к ней, а лишь поправил пиджак на спинке стула. Женщина посмотрела на него и вдруг вспомнила, как много лет назад они возвращались из роддома, где она навещала подругу после рождения ребёнка. Тогда Станислав всю дорогу дер-

жал её за руку и говорил, что они обязательно будут заботиться друг о друге, что бы ни случилось. Детей у них так и не появилось, но Галина долгие годы считала, что их семья от этого не стала менее настоящей. Теперь перед ней стоял тот же мужчина и требовал деньги за поездку из больницы, словно они действительно были посторонними людьми, случайно оказавшимися в одном автомобиле.

— Знаешь что, Стас, — произнесла она, медленно выговаривая слова. Галина почувствовала, что ещё немного — и она окончательно сорвётся на крик. — Мне не жалко этих четырёхсот девяноста рублей. Я их тебе хоть сейчас могу перевести, если тебе настолько необходимы деньги. Только ты подумай, до чего мы с тобой дожили. Я из больницы домой возвращаюсь, а муж на следующий день приносит мне счёт. Ты хоть понимаешь, как это выглядит? Или тебе уже совершенно всё равно, что я чувствую?

Станислав несколько секунд молчал, рассматривая жену с явным раздражением. Потом он взял распечатку, снова положил её на стол и заметил, что Галина излишне драматизирует совершенно обычную финансовую договорённость. По его словам, подобные отношения давно стали нормой во многих семьях, где супруги уважают независимость друг друга. Он добавил, что ему надоели бесконечные разговоры о чувствах всякий раз, когда речь заходит о деньгах. Женщина хотела возразить, но муж уже направился к двери. На пороге Станислав обернулся и напомнил, что расчёт за март

будет готов на следующей неделе, а с переводом лучше не затягивать.

Галина осталась одна за кухонным столом. Некоторое время она сидела неподвижно, прислушиваясь к звукам телевизора, который муж включил в гостиной. Потом взяла распечатку и снова внимательно посмотрела на строки, аккуратно выстроенные одна под другой. Продукты, коммунальные платежи, хозяйственные мелочи, поездки. Возле каждой суммы стояла ровно половина, которую Станислав считал необходимым получить от жены. Женщина дошла до записи о такси и остановилась. Четыреста девяносто рублей. Именно столько, как оказалось, стоила для мужа возможность привезти её домой после пяти дней в больнице.

Она медленно сложила лист пополам, затем ещё раз, но не убрала его. Вместо этого Галина положила бумагу рядом с чашкой, встала и направилась к двери гостиной. Станислав сидел в кресле, вытянув ноги, и смотрел какую-то передачу. Увидев жену, он недовольно убавил звук, явно ожидая продолжения ссоры. Галина остановилась перед ним, чувствуя, как больная нога неприятно ноет после долгого стояния. Ей хотелось высказать ещё многое, но сейчас она решила ограничиться самым главным.

— Я не собираюсь платить тебе за то, что ты мой муж, — сказала она, глядя Станиславу прямо в лицо. Женщина крепко сжимала сложенный лист, и бумага постепенно сминалась в её пальцах. — И не собираюсь делать вид, будто это

нормально. Хочешь обсуждать семейные расходы — будем обсуждать. Только ты мне больше никогда не рассказывай, что забота о близком человеке должна оплачиваться по счёту. Я этого тебе не забуду.

— Ну и не забывай, — раздражённо ответил Станислав, снова потянувшись к пульту. Он явно не воспринимал её слова всерьёз и считал, что через несколько дней жена успокоится. — Главное, чтобы десятого числа деньги перевела. А все эти обиды можешь оставить при себе, мне завтра рано вставать.

Галина несколько секунд смотрела на мужа, ожидая, что он хотя бы теперь поймёт, насколько сильно её обидел. Но Станислав уже прибавил звук телевизора и отвернулся к экрану. Женщина медленно вышла из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь. В спальне она положила смятый лист на тумбочку, переоделась и села на край кровати. Голова снова неприятно разболелась, нога ныла, однако больше всего ей хотелось вернуться в тот вчерашний день, когда она ещё сидела на больничной скамейке и ждала мужа, уверенная, что дома о ней обязательно позаботятся. Галина долго смотрела на лежавшую рядом бумагу, а потом убрала её в верхний ящик тумбочки вместе с выпиской из больницы. Выбрасывать распечатку она почему-то не захотела.

ГЛАВА 2. ТВОЯ ПОЛОВИНА — СОРОК СЕМЬ ТЫСЯЧ

В начале марта Галина получила от мужа очередную распечатку, на этот раз значительно более подробную, чем та, которую он принёс несколько дней назад. Станислав оставил бумаги на кухонном столе ещё утром, перед уходом на работу, а сверху положил небольшую записку с просьбой ознакомиться с расчётами до вечера. Галина обнаружила их после завтрака, когда собиралась принять лекарства и немного полежать. Голова уже почти перестала болеть, но ушибленная нога по-прежнему беспокоила, особенно после длительного стояния. Врачи рекомендовали ей не торопиться с возвращением к обычным нагрузкам, поэтому женщина старалась соблюдать назначенный режим, хотя необходимость постоянно сидеть дома постепенно начинала раздражать. Она привыкла работать, заниматься хозяйством, встречаться с людьми и совершенно не умела проводить целые дни без дела. Теперь же приходилось прислушиваться к собственному самочувствию и мириться с тем, что даже обычный поход в магазин мог закончиться неприятной болью.

Галина налила себе чай, села за стол и придвинула распечатку. На первом листе красовалась аккуратная таблица с перечислением предполагаемых расходов на март. Ста-

нислав разделил все покупки и платежи на несколько категорий, указал суммы, подвёл итог и даже выделил жирным шрифтом окончательный результат. Женщина некоторое время рассматривала цифры, пытаясь понять, откуда муж взял столь внушительные расходы на двух человек. На продукты он отвёл почти сорок четыре тысячи рублей, ещё тринадцать тысяч предусмотрел на доставку готовой еды и различные заказы, которыми преимущественно пользовался сам. Отдельно значились коммунальные платежи, хозяйственные покупки, поездки, подписки на платные сервисы и прочие мелочи. В самом низу таблицы стояла общая сумма — девяносто четыре тысячи рублей. Под ней Станислав крупно напечатал, сколько должен ежемесячно вносить каждый супруг.

Галина перечитала последнюю строку дважды. Сорок семь тысяч рублей. Именно столько, по мнению мужа, ей теперь следовало отдавать на семейные нужды независимо от того, сколько она сама зарабатывала. Женщина отодвинула лист и некоторое время смотрела в окно, за которым медленно падал мокрый снег. Она получала около шестидесяти пяти тысяч рублей в месяц, иногда немного больше благодаря премиям, но сейчас находилась на больничном и прекрасно понимала, что ближайшие выплаты окажутся меньше обычных. Даже если бы она получила полную зарплату, после мужниного взноса у неё осталось бы восемнадцать тысяч рублей. На эти деньги предстояло покупать одежду, лекар-

ства, оплачивать личные расходы и откладывать хоть что-нибудь на непредвиденные обстоятельства. Станислав же при собственном заработке около двухсот шестидесяти тысяч сохранял после такого взноса больше двухсот тысяч рублей.

Она снова взяла лист и принялась внимательно изучать отдельные строки. Чем дольше Галина смотрела на расходы, тем сильнее становилось раздражение. Муж включил в общую сумму покупки, которыми она практически не пользовалась: дорогой кофе, любимые мясные деликатесы, готовую еду из ресторана, куда он часто заезжал после работы, и несколько платных сервисов, о существовании которых она даже не подозревала. При этом в таблице не оказалось расходов на её лекарства и восстановление после травмы. Галина перевернула страницу, проверила приложения и окончательно убедилась, что медицинские покупки муж предусмотрительно оставил за пределами семейного бюджета. Она вспомнила его слова о справедливом распределении расходов и возмущённо покачала головой. Получалось, что привычки Станислава следовало оплачивать вдвоём, а потребности жены никакого отношения к общей жизни не имели.

К вечеру Галина успела несколько раз вернуться к распечатке. Она даже взяла ручку и на отдельном листе подсчитала, сколько денег останется у каждого из супругов после предложенного разделения. Цифры получились настолько красноречивыми, что женщине захотелось немедленно позвонить мужу и потребовать объяснений. Однако она реши-

ла дождаться его возвращения, чтобы обсудить всё лично. Станислав пришёл около половины восьмого, довольный собой и явно пребывающий в хорошем настроении. Он снял пальто, аккуратно повесил его в шкаф и поинтересовался, что приготовлено на ужин. Галина ответила, что на плите стоит курица с овощами, а затем попросила мужа сначала поговорить о его новых расчётах. Станислав понимающе кивнул, словно давно ожидал этого разговора, вымыл руки и устроился за кухонным столом.

— Ну что, ознакомилась? — спросил он, придвигая к себе распечатку. Муж выглядел удовлетворённым и даже немного торжественным, будто представлял результаты сложной и чрезвычайно важной работы. — Я всё подробно расписал, чтобы потом никаких недоразумений не возникало. Девяносто четыре тысячи на двоих, соответственно, по сорок семь с каждого. Думаю, вполне разумная сумма при наших расходах.

— Разумная для кого, Стас? — Галина села напротив и положила перед ним лист со своими подсчётами. Она старалась говорить спокойно, хотя с самого утра едва сдерживала раздражение. — Ты вообще помнишь, сколько я зарабатываю? Шестьдесят пять тысяч, если без всяких дополнительных выплат. Сорок семь я должна отдать тебе, восемнадцать оставить себе. А у тебя после такого взноса больше двухсот тысяч остаётся. Ты это справедливостью называешь?

Станислав взял лист, посмотрел на написанные цифры и

пожал плечами. Он явно не увидел в расчётах жены ничего удивительного. Затем отложил бумагу, налил себе воды и спокойно объяснил, что размер заработка не должен влиять на обязанности взрослого человека. По его мнению, каждый супруг пользовался общим жильём, продуктами, бытовыми удобствами и потому обязан был вносить одинаковую сумму. Галина слушала его с возрастающим возмущением, поскольку муж рассуждал так, словно они были двумя посторонними людьми, случайно договорившимися снимать одну квартиру. Особенно неприятно ей было слышать постоянные упоминания о самостоятельности, которыми Станислав теперь оправдывал буквально каждое требование.

— Значит, если ты зарабатываешь в четыре раза больше меня, это вообще ничего не значит? — переспросила Галина, наклоняясь к мужу. Она ткнула пальцем в строку с общей суммой и потребовала объяснить, почему должна оплачивать расходы, которые сама никогда бы не одобрила. — Ты привык покупать всё самое дорогое, каждые несколько дней заказывать себе ужины, ездить на такси, когда лень пройти до остановки. А платить за это теперь должна я? Ты хоть спросил, нужны ли мне все эти покупки?

— Галя, опять ты начинаешь придираться к мелочам, — раздражённо ответил Станислав. Он выпрямился и недовольно посмотрел на жену, словно та намеренно пыталась запутать совершенно простой вопрос. — Мы оба живём в этой квартире, оба едим, пользуемся водой, электричеством,

интернетом. Какая разница, кто сколько зарабатывает? Если один человек получает больше, это не значит, что он обязан содержать другого. Равноправие нельзя измерять размером зарплаты.

— А ты меня содержишь, значит? — Галина почувствовала, как к лицу приливает кровь, и резко отодвинула свой лист. Ей уже приходилось слышать от мужа подобные замечания, но теперь они прозвучали особенно унизительно. — Я работаю с двадцати лет, Стас. У меня свой заработок, своя должность, свои обязанности. И я, между прочим, не требую от тебя оплачивать мои личные желания. Только почему-то ты решил, что я обязана тратить почти всю зарплату на привычки, которые нужны исключительно тебе.

Станислав поморщился, однако спорить с последними словами не стал. Он объяснил, что жена слишком эмоционально воспринимает финансовые вопросы и совершенно напрасно пытается превратить обычный расчёт в выяснение отношений. По его словам, многие современные семьи давно живут именно так, и никто не видит в этом ничего оскорбительного. Галина с горечью заметила, что за двадцать девять лет брака они никогда не придерживались подобных правил, а значит, прежде чем менять привычный порядок, стоило хотя бы обсудить его вдвоём. Муж ответил, что именно сейчас они этим и занимаются. При этом он снова положил перед ней распечатку и напомнил, что первого перевода ожидает не позднее десятого марта.

— Тогда давай обсуждать по-настоящему, — сказала Галина, стараясь взять себя в руки. Она взяла ручку и начала подчёркивать отдельные строки в таблице. — Вот здесь у тебя почти сорок четыре тысячи на продукты. Мы вдвоём живём, Стас. Нам что, каждый день икру покупать обязательно? А вот эти тринадцать тысяч на готовую еду зачем? Я вообще ничего не заказываю, это ты по вечерам покупаешь себе то пиццу, то мясо, то ещё какую-нибудь ерунду. Давай хотя бы эти расходы уберём.

Муж сразу нахмурился. Он забрал у Галины лист и недовольно посмотрел на появившиеся подчёркивания. Станислав заявил, что качественное питание необходимо взрослым людям, особенно в их возрасте, а экономить на продуктах он не намерен. Галина попыталась объяснить, что речь идёт не о плохой еде, а об обычной разумной экономии. Она предложила отказаться от части дорогих покупок, реже пользоваться доставкой и покупать необходимые вещи по заранее составленному списку. По её подсчётам, общие расходы можно было сократить почти на треть, не отказывая себе ни в чём действительно важном. Однако Станислав категорически отверг предложение, заметив, что не собирается питаться дешёвыми продуктами только потому, что жена недостаточно зарабатывает.

— Значит, я должна отдавать почти всё, а ты даже от любимой колбасы отказаться не хочешь? — Галина рассердилась настолько, что едва не выхватила у мужа таблицу. Она

несколько секунд смотрела на него, ожидая хотя бы попытки понять её положение. — У тебя после всех расходов двести тысяч остаётся, Стас. Двести! А мне ты предлагаешь на восемнадцать тысяч весь месяц жить. Да ещё сейчас, когда я на больничном и вообще не знаю, сколько получу. Тебе самому-то не стыдно?

— А почему мне должно быть стыдно за то, что я хорошо зарабатываю? — Станислав повысил голос, впервые за весь разговор заметно утратив спокойствие. Он отложил ручку и резко выпрямился. — Я много лет работал, добился нормальной должности, получаю достойную зарплату. Ты тоже могла бы поискать место получше, если тебя не устраивает нынешний заработок. Но тебе ведь удобно сидеть на своём предприятии и жаловаться, что денег мало. А я теперь должен за это расплачиваться?

Галина от возмущения даже не сразу нашлась с ответом. Она прекрасно знала, сколько сил потратила на работу, и совершенно не считала себя неудачницей только потому, что зарабатывала меньше мужа. На транспортном предприятии её уважали, коллеги часто обращались за советом, руководство ценило опыт и аккуратность. Несколько раз Галине предлагали перейти в другие организации, но условия оказывались либо ненамного лучше, либо требовали значительно больше времени. Она всегда обсуждала подобные предложения со Станиславом, и прежде тот сам говорил, что нет никакого смысла бросать стабильное место ради небольшой

прибавки. Теперь же муж словно забыл все прежние разговоры и с лёгкостью использовал её заработок как повод для унижения.

— Ты прекрасно знаешь, почему я не уходила с работы, — ответила женщина, с трудом сдерживая раздражение. Она встала, подошла к плите и выключила конфорку под давно приготовленным ужином. — Когда у тебя после операции начались проблемы, кто по поликлиникам с тобой ездил? Кто дома был, когда ты один даже нормально подняться не мог? Я тогда могла на другую работу перейти, мне предлагали место с хорошей прибавкой. Только там график был совсем другой, и ты сам просил никуда не уходить. А теперь, оказывается, я просто удобно устроилась!

— Опять операция! — Станислав недовольно махнул рукой и поднялся из-за стола. Он подошёл к кухонному шкафу, достал тарелку и с раздражением поставил её возле плиты. — Сколько можно об одном и том же? Прошло уже два года, Галя. Я давно здоров, работаю, сам себя обеспечиваю. И если ты тогда отказалась от какого-то предложения, это было твоё собственное решение. Не нужно теперь делать меня виноватым во всех твоих финансовых трудностях.

Галина хотела возразить, но неожиданно почувствовала сильную усталость. От долгого разговора разболелась голова, а больная нога неприятно ныла после того, как она несколько раз поднималась со стула. Женщина медленно вернулась на место и попросила мужа оставить её хотя бы на сегодня в

покое. Станислав, однако, продолжал рассуждать о правильном распределении расходов, словно совершенно не замечал её состояния. Он даже предложил Галине заранее настроить регулярный перевод нужной суммы, чтобы больше не возвращаться к этому вопросу. Она резко ответила, что ничего настраивать не будет и прежде намерена разобраться, куда именно уходят семейные деньги. Муж пожал плечами и занялся ужином, демонстративно показывая, что обсуждение считает законченным.

Следующие несколько дней прошли в напряжённой обстановке. Станислав старательно изображал, будто ничего особенного не произошло, но при каждом удобном случае напоминал Галине о приближающемся десятом числе. Она отвечала раздражённо, несколько раз пыталась вернуться к разговору о сокращении расходов и неизменно сталкивалась с категорическим отказом. В конце концов женщина решила, что хотя бы один раз необходимо показать мужу реальные последствия его затеи. Она не собиралась признавать предложенную сумму справедливой, но хотела окончательно убедиться, насколько тяжёлым окажется месяц при таком распределении денег. Девятого марта Галина получила очередную выплату, перевела часть накопившихся средств со своего зарплатного счёта и отправила Станиславу сорок семь тысяч рублей. Перед переводом она ещё раз пересчитала остаток и невольно поморщилась. Теперь даже обычная покупка лекарств требовала отдельного внимания.

Вечером Станислав обнаружил поступление денег и неожиданно повеселел. Он пришёл на кухню, где Галина перебирала старые квитанции, и одобрительно заметил, что наконец-то супруге удалось подойти к семейным вопросам без лишних эмоций. Женщина подняла голову и раздражённо посмотрела на мужа. Ей совершенно не понравилось, что собственный перевод тот воспринял как признание его правоты. Она прямо объяснила, что заплатила только за текущий месяц и не согласна с установленным порядком. Станислав усмехнулся, заметив, что в следующем месяце они спокойно повторят то же самое. Галина ответила, что сначала посмотрит, как он распорядится полученными деньгами, и потребовала сохранять чеки за все покупки. Мужу подобное условие явно не понравилось, но после короткого спора он согласился, поскольку сам постоянно говорил о необходимости прозрачных расходов.

На следующий день супруги отправились в большой продуктовый магазин. Галина уже чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы недолго ходить, хотя старалась не нагружать больную ногу. Она заранее составила список необходимых покупок и рассчитывала наконец показать мужу, насколько легко можно сократить расходы без особых неудобств. Станислав взял большую тележку и почти сразу направился к отделу мясных деликатесов. Он положил несколько дорогих упаковок, затем выбрал сыр, кофе и любимые сладости. Галина шла рядом, с возрастающим раздражением наблюдая,

как муж совершенно не обращает внимания на цены. Когда он потянулся за очередной упаковкой копчёного мяса, женщина не выдержала и остановила тележку.

— Стас, подожди, — сказала она, доставая из корзины одну из упаковок. Галина посмотрела на ценник и возмущённо покачала головой. — Ты посмотри, сколько это стоит. Здесь рядом совершенно нормальное мясо в два раза дешевле. Мы же договаривались, что попробуем сократить расходы. Зачем тебе столько всего сразу?

— Мы ничего такого не договаривались, Галя, — ответил Станислав, возвращая упаковку в тележку. Он недовольно посмотрел на жену и продолжил выбирать продукты. — Ты предлагала экономить, а я объяснил, что не собираюсь ухудшать качество питания. Я целую неделю работаю, устаю, имею право хотя бы дома нормально поесть. Или теперь мне придётся каждую покупку с тобой согласовывать?

— Конечно, придётся, если ты требуешь половину стоимости с меня! — Галина почувствовала, как начинают оборачиваться покупатели, и немного понизила голос. Она взяла тележку за ручку, не позволяя мужу двигаться дальше. — Ты же сам хотел общие расходы. Значит, и решать мы должны вместе. Не может быть такого, что ты покупаешь всё, что тебе понравилось, а я потом обязана отдавать половину. Если хочешь дорогую колбасу, покупай себе за свои деньги.

Станислав посмотрел на неё с явным раздражением. Несколько секунд он стоял возле тележки, словно решая,

стоит ли продолжать спор при посторонних. Затем демонстративно взял две упаковки деликатесов и положил их обратно на полку. Галина уже собиралась удовлетворённо продолжить покупки, но муж неожиданно объявил, что при таком подходе каждый должен покупать себе продукты отдельно. Она ответила, что совершенно не возражает, однако тогда ему придётся самостоятельно готовить всё, что он собирается есть. Станислав поморщился и снова взялся за тележку. Оставшуюся часть покупок они совершали почти молча, изредка обмениваясь короткими раздражёнными замечаниями.

На кассе Галина окончательно убедилась, что новые правила не имеют ничего общего с желанием разумно распределять расходы. Станислав снова положил в корзину несколько дорогих продуктов, пока она выбирала овощи, и теперь невозмутимо выкладывал их на ленту. Женщина указала на одну из упаковок и потребовала оплатить её отдельно, поскольку покупать подобную вещь не собиралась. Муж нехотя согласился, но всю дорогу домой раздражённо рассуждал о её мелочности. Галина отвечала не менее резко, напоминая, что ещё недавно он сам потребовал четыреста девяносто рублей за поездку из больницы. Станислав недовольно попросил наконец забыть эту историю. Женщина заявила, что обязательно забудет, когда он перестанет использовать деньги как повод для унижения.

Дома Галина помогла разобрать покупки, а затем села от-

дохнуть. Нога после магазина разболелась сильнее, чем она рассчитывала, поэтому пришлось приложить холод и некоторое время посидеть, вытянув её на соседний стул. Станислав принялся готовить себе бутерброды из недавно купленных продуктов, не забыв заметить, что жена могла бы помочь ему хотя бы с ужином. Галина отказалась, объяснив, что несколько часов провела на ногах и теперь нуждается в отдыхе. Муж раздражённо заявил, что она слишком долго прикрывается болезнью. Женщина не выдержала и напомнила, что врачи рекомендовали ей соблюдать щадящий режим, а не бегать по магазинам ради его любимой еды. Станислав ответил, что сам не заставлял её ехать за покупками, хотя ещё утром настойчиво требовал составить ему компанию.

Через несколько дней Галине понадобилось приобрести очередные лекарства. Она зашла в аптеку после повторного осмотра, купила назначенные препараты и средство для облегчения боли в ноге. Общая сумма оказалась неприятно большой, особенно с учётом оставшихся после семейного взноса денег. Женщина задержалась возле кассы, ещё раз просмотрела список и отказалась от нескольких необязательных покупок. Фармацевт вежливо предложила более доступный вариант одного из средств, но заменить всё оказалось невозможно. Галина расплатилась, убрала чек в сумку и вышла на улицу с неприятным ощущением тревоги. Прежде она почти никогда не задумывалась, хватит ли денег на необходимые лекарства. Теперь же приходилось подсчи-

тывать каждый расход, хотя муж продолжал получать свою высокую зарплату и вовсе не испытывал подобных затруднений.

Вечером Станислав заметил аптечный пакет на кухонном столе. Он достал из него коробочки, прочитал названия и поинтересовался, сколько жена потратила. Галина назвала сумму и попросила не трогать лекарства, поскольку собиралась разложить их по назначению врача. Муж несколько секунд рассматривал чек, затем заметил, что медицинские покупки следует относить к личным расходам. Женщина повернулась к нему, не сразу поняв смысл замечания. Станислав пояснил, что не возражает против необходимых лекарств, однако их стоимость не должна уменьшать ежемесячный взнос в семейный бюджет. По его мнению, было бы странно заставлять одного супруга оплачивать личные потребности другого, даже если речь шла о восстановлении после болезни.

— Ты сейчас опять серьёзно? — Галина отложила полотенце, которым вытирала руки, и посмотрела на мужа с нескрываемым возмущением. Она только что вернулась из аптеки и надеялась спокойно отдохнуть перед ужином. — Я лекарства купила, Стас. Не духи, не украшения, не какую-нибудь дорогую ерунду. Лекарства, которые мне врач назначил после падения. И ты уже считаешь, сколько я на них потратила?

— Я просто уточняю, чтобы потом не возникало путаницы, — ответил Станислав, положив чек рядом с аптечным

пакетом. Он говорил совершенно спокойно, словно обсуждал покупку новой скатерти. — У нас есть общие расходы, а есть личные. Твои лекарства относятся ко второй категории. Если начнём всё подряд включать в семейный бюджет, никакого порядка не получится. Ты ведь сама требовала, чтобы мы чётко разделяли покупки.

Галина почувствовала, как внутри снова поднимается знакомая волна раздражения. Она прекрасно помнила, что требовала совершенно другого: не оплачивать мужнины прихоти, которые он произвольно объявлял общими. Однако Станислав теперь старательно изображал, будто все новые правила были установлены с её согласия. Женщина взяла аптечный пакет и поставила его подальше от мужа, после чего напомнила, сколько денег они потратили на его лечение два года назад. Тогда лекарства, обследования и дополнительные процедуры оплачивались из семейных средств, и никто даже не предлагал разделять расходы по принципу личной выгоды. Муж отмахнулся, заявив, что прежний порядок больше не действует и совершенно бессмысленно каждый раз возвращаться к старым событиям.

— Удобно ты устроился, Стас, — произнесла Галина, уже не пытаясь скрыть злости. Она оперлась ладонями о стол и несколько секунд смотрела мужу прямо в глаза. — Когда ты болел, мы были семьёй, и я должна была о тебе заботиться. Когда заболела я, выясняется, что у каждого свои расходы. Когда ты покупаешь дорогую еду, она у нас общая. А когда

мне понадобились лекарства, это исключительно мои проблемы. Ты хоть понимаешь, насколько отвратительно всё это выглядит?

— Мне надоело, что ты любую финансовую договорённость превращаешь в скандал, — раздражённо ответил Станислав. Он отодвинул чек и поднялся из-за стола, явно намереваясь закончить разговор. — Я не запрещаю тебе лечиться и не требую отказываться от лекарств. Просто не собираюсь больше бесконтрольно оплачивать все твои потребности. Ты взрослая работающая женщина, Галя. Пора уже научиться распоряжаться собственными деньгами.

Галина хотела ответить ещё резче, но муж уже вышел из кухни. Она осталась возле стола, глядя на разложенные лекарства, и вдруг почувствовала, как сильно устала от необходимости постоянно объяснять очевидные вещи. В последние недели любой разговор со Станиславом неизменно превращался в спор о деньгах. Даже обычная покупка продуктов или лекарств теперь сопровождалась упрёками, расчётами и попытками доказать, кто кому больше обязан. Женщина вспомнила, как прежде они вместе планировали отпуск, выбирали подарки знакомым, обсуждали крупные покупки и почти никогда не ссорились из-за повседневных расходов. Станислав и тогда любил экономить, иногда раздражался из-за дорогих вещей, но никогда не превращал каждую мелочь в средство давления. Теперь же он словно намеренно искал повод напомнить жене о разнице в заработках.

В тот вечер Галина впервые достала небольшой блокнот, который раньше использовала для рабочих заметок, и начала записывать собственные расходы. Она не собиралась подражать мужу и превращать семейную жизнь в бесконечную бухгалтерию, но хотела хотя бы сама разобраться, сколько денег у неё остаётся. Женщина записала стоимость лекарств, несколько личных покупок, расходы на дорогу и остаток после перевода Станиславу. Затем долго смотрела на получившуюся сумму. Обычных восемнадцати тысяч, которые должны были оставаться после семейного взноса, уже заметно поубавилось, а впереди было ещё больше половины месяца. Галина понимала, что при необходимости может воспользоваться собственными небольшими накоплениями, однако сама мысль о том, что приходится тратить деньги, оставшиеся от тёти, ради удовлетворения мужниной жадности, вызывала у неё настоящее возмущение.

К середине марта Галина постепенно вернулась к работе. Первые дни давались нелегко: после продолжительного сидения начинала ныть нога, к вечеру появлялась усталость, а дома приходилось выслушивать очередные замечания Станислава. Однако привычная обстановка предприятия, разговоры с коллегами и необходимость заниматься обычными делами заметно улучшили её настроение. Женщина радовалась возможности хотя бы на несколько часов отвлечься от постоянных семейных ссор. Коллеги интересовались её самочувствием, помогали с некоторыми обязанностями

и несколько раз предлагали подвезти домой. Галина благодарила их и старалась не злоупотреблять вниманием, хотя после последних событий особенно остро замечала разницу между обычной человеческой заботой и поведением собственного мужа.

Однажды во время обеденного перерыва коллега по работе, Людмила Петровна, заметила, что Галина слишком задумчива, и осторожно поинтересовалась, не беспокоит ли её здоровье. Женщина сперва отмахнулась, но затем призналась, что дома возникли неприятные разногласия из-за денег. Подробностей она рассказывать не стала, однако упомянула о неожиданном решении мужа разделить все расходы поровну. Людмила Петровна удивилась, поскольку прекрасно знала, насколько сильно различаются заработки супругов. Она заметила, что подобные договорённости имеют смысл только тогда, когда оба человека действительно согласны с ними и понимают последствия. Галина ответила, что именно этого согласия у них и не получилось. Разговор оказался коротким, но после него женщина ещё долго думала о том, почему посторонний человек сумел понять её положение значительно быстрее собственного мужа.

К концу марта финансовые ограничения стали ощущаться особенно сильно. Из-за больничного и неполного рабочего месяца Галина получила меньше обычного, а расходы на восстановление оказались выше первоначальных ожиданий. Она отложила покупку новых весенних ботинок, хотя старые

давно требовали замены, отказалась от посещения парикмахерской и перенесла несколько необязательных личных покупок. Особенно неприятно было смотреть на собственные записи, где почти каждый расход сопровождался сомнениями, действительно ли он необходим. При этом Станислав продолжал жить совершенно привычно. Он покупал дорогие продукты, заказывал себе готовые ужины, пользовался такси и даже приобрёл новую рубашку, объявив, что на хорошую одежду жалеть деньги глупо. Галина несколько раз напоминала о необходимости сократить общие расходы, но муж неизменно отвечал, что не собирается отказывать себе в привычных удобствах.

В последнюю субботу марта супруги отправились за продуктами. Галина заранее составила список, стараясь выбрать всё необходимое без лишних трат. Станислав, однако, снова принялся наполнять тележку дорогими покупками, совершенно не интересуясь мнением жены. Когда Галина предложила заменить несколько продуктов более доступными, муж раздражённо заметил, что она за последние недели превратилась в настоящую скрягу. Женщина не выдержала и напомнила, что вынуждена экономить исключительно из-за его новых правил. Станислав усмехнулся и посоветовал ей перестать покупать ненужные мелочи, если денег действительно не хватает. Галина с возмущением спросила, какие именно ненужные вещи она позволила себе за последний месяц, но муж не сумел назвать ничего определённого. Вместо это-

го он снова начал рассуждать о необходимости финансовой дисциплины.

— Ты хотя бы раз посмотрел, что у меня после твоих сорока семи тысяч остаётся? — спросила Галина, остановившись возле полки с крупами. Она держала в руках список покупок, на котором уже успела вычеркнуть несколько позиций. — Мне пришлось от ботинок отказаться, лекарства покупать с оглядкой, каждую мелочь считать. А ты стоишь и выбираешь себе дорогие продукты, словно ничего не происходит. У тебя вообще совесть есть, Стас?

— Галя, не надо устраивать представление посреди магазина, — недовольно ответил Станислав, оглядываясь на проходивших мимо покупателей. Он взял с полки очередную упаковку и положил её в тележку. — Я тебе уже объяснял, что каждый должен жить по средствам. Если тебе не хватает денег на все желания, значит, нужно пересмотреть расходы. Я же не требую, чтобы ты покупала что-то сверх необходимого. Просто научись наконец правильно распределять собственную зарплату.

Галина почувствовала, что ещё немного — и она действительно устроит скандал на весь магазин. Она положила список в сумку, посмотрела на мужа и предложила ему самостоятельно завершить покупки. Станислав удивлённо спросил, куда она собралась, но женщина ответила, что больше не намерена ходить рядом и наблюдать, как он тратит общие деньги, отказываясь учитывать её мнение. Муж раздражённо

заметил, что она ведёт себя по-детски. Галина не стала продолжать спор, развернулась и медленно направилась к выходу. Из-за больной ноги она не могла идти быстро, однако останавливаться не собиралась. Уже возле дверей женщина услышала, как Станислав окликнул её, но сделала вид, что не заметила. Ей необходимо было хотя бы ненадолго оказаться подальше от его снисходительного голоса.

Домой Галина вернулась раньше мужа. Она сняла обувь, осторожно размяла затёкшую ногу и приготовила себе чай. Некоторое время сидела на кухне, пытаясь успокоиться, затем достала блокнот с расходами и снова просмотрела записи. Её особенно раздражало, что муж постоянно требовал от неё финансовой самостоятельности, но совершенно не желал признавать право самостоятельно решать, на что тратить собственные деньги. Галина понимала, что дальнейшие разговоры о сокращении расходов едва ли приведут к чему-то полезному. Станислав уже несколько раз ясно показал, что его устраивает исключительно такой порядок, при котором жена отдаёт требуемую сумму и не вмешивается в его решения. Женщина подумала, что прежде никогда не позволила бы постороннему человеку разговаривать с собой подобным образом. Однако рядом со Станиславом она всё ещё пыталась объяснять, убеждать и напоминать о прожитых годах, словно надеялась однажды вернуть прежнего мужа.

Станислав появился спустя почти час. Он принёс несколько тяжёлых пакетов, демонстративно поставил их на пол и

принялся жаловаться, что жене следовало бы хотя бы помочь донести покупки. Галина посмотрела на мужа и не выдержала. Она напомнила, что именно он отказался учитывать её мнение при выборе продуктов, а потому вполне мог самостоятельно справиться с последствиями собственного решения. Станислав раздражённо ответил, что покупал еду для семьи, а не исключительно для себя. Женщина предложила ему ещё раз посмотреть на содержимое пакетов и назвать хотя бы половину вещей, которые она действительно просила купить. Муж некоторое время молчал, затем объявил, что больше не собирается обсуждать каждую покупку, поскольку подобные разговоры совершенно бессмысленны.

— Значит, обсуждать ты ничего не хочешь, — произнесла Галина, поднявшись из-за стола. Она подошла к пакетам, достала одну из дорогих упаковок и показала мужу. — Покупать будешь всё, что считаешь нужным, а я должна оплачивать половину и молчать. Так ты себе нашу семейную жизнь представляешь? Ты ведь даже не пытаешься со мной договориться, Стас. Ты просто придумал удобные правила и теперь требуешь, чтобы я им подчинялась.

— Я придумал справедливые правила, Галя, — ответил Станислав, снимая пальто. Он устало опустился на стул и посмотрел на жену с явным неодобрением. — А тебе они не нравятся только потому, что раньше ты могла тратить свои деньги как угодно и не задумываться, сколько всего оплачиваю я. Теперь придётся привыкать к другому порядку. И чем

раньше ты перестанешь спорить из-за каждой мелочи, тем спокойнее мы будем жить.

Галина положила упаковку обратно и несколько секунд смотрела на мужа. Она хотела напомнить о многочисленных покупках, которые оплачивала сама, о годах домашней работы и о том, что никогда не воспринимала семейные деньги как исключительно мужнины. Однако все эти доводы уже не раз звучали за последние недели и неизменно встречали одинаковое пренебрежение. Женщина неожиданно почувствовала не столько обиду, сколько настоящее раздражение от собственной беспомощности. Станислав прекрасно понимал, что она говорит, но предпочитал делать вид, будто жена просто не способна разобраться в элементарных финансовых вопросах. Галина решила, что больше не станет пытаться убедить его одними разговорами.

Вечером она снова достала блокнот с расходами и подсчитала, сколько денег потратила за март. Получившаяся сумма неприятно удивила даже её саму. Большая часть зарплаты ушла на обязательный семейный взнос, остальное — на лекарства, дорогу, необходимые личные покупки и небольшие повседневные расходы. После сокращённых выплат за время больничного у Галины осталось значительно меньше, чем она рассчитывала. При этом Станислав ничуть не изменил собственных привычек, продолжал покупать дорогую еду и спокойно распоряжался большей частью своего заработка. Женщина перелистнула несколько страниц, провери-

ла записи и убедилась, что дальше жить подобным образом не сможет. Ей необходимо было либо заставить мужа пересмотреть правила, либо самой перестать подчиняться навязанному порядку.

Станислав заглянул на кухню, когда Галина уже собиралась убрать блокнот. Он заметил лежавшие на столе записи и с удовлетворением поинтересовался, начала ли жена наконец вести собственный учёт расходов. Женщина ответила, что решила проверить, насколько справедливой оказалась его новая система. Муж усмехнулся и заметил, что подобная привычка давно пошла бы ей на пользу. Затем поинтересовался, сколько денег осталось до следующей зарплаты. Галина неохотно назвала приблизительную сумму, после чего Станислав покачал головой и снисходительно заявил, что теперь ей придётся научиться жить по средствам. По его словам, именно ради этого он и предложил изменить семейный бюджет, поскольку жена слишком долго не задумывалась о настоящей цене повседневных удобств.

— Ты ещё пожалеешь об этой своей затее, Стас, — сказала Галина, резко закрывая блокнот. Она подняла голову и посмотрела на мужа с таким возмущением, что тот на мгновение перестал улыбаться. — Я тебе это совершенно серьёзно говорю. Ты решил, что можешь заставлять меня оплачивать всё, что тебе захочется, а сам будешь жить как прежде. Но так не получится. Если уж ты требуешь равноправия, значит, оно будет настоящим, а не только тогда, когда тебе удобно.

— Посмотрим, Галя, посмотрим, — ответил Станислав, пожимая плечами. Он явно не воспринимал слова жены как серьёзное предупреждение. — Пока я вижу только то, что тебе тяжело привыкнуть к нормальной финансовой дисциплине. Ничего страшного, со временем научишься. Зато перестанешь думать, будто деньги сами собой появляются.

Муж ушёл в гостиную, оставив Галину одну за кухонным столом. Она некоторое время сидела неподвижно, затем открыла блокнот и на новой странице записала сумму семейного взноса, собственный заработок за март и оставшиеся деньги. Рядом женщина добавила несколько расходов, которые Станислав в течение месяца объявлял общими, хотя они относились преимущественно к его личным привычкам. Потом достала из ящика кухонного стола отдельную папку, сложила туда чеки и мужнины распечатки, сохранив также присланные им сообщения. Галина ещё не знала, зачем именно ей понадобятся эти записи, но решила больше ничего не выбрасывать. Она слишком хорошо понимала, что Станислав любит ссылаться на собственные расчёты, когда хочет доказать её неправоту, и теперь собиралась внимательно следить за каждым из них.

Перед сном Галина зашла в гостиную, чтобы пожелать мужу спокойной ночи. Станислав сидел перед телевизором, удобно устроившись в любимом кресле, и просматривал что-то в телефоне. На журнальном столике возле него лежали остатки дорогих продуктов, купленных днём. Женщина

несколько секунд смотрела на мужа, вспоминая, как ещё месяц назад совершенно спокойно относилась к подобным вечерам. Теперь каждая его покупка напоминала о деньгах, которых ей самой приходилось лишаться ради навязанных правил. Галина попросила мужа убрать за собой посуду и продукты, поскольку сама уже собиралась спать. Станислав недовольно ответил, что сделает это позже, но женщина настояла, чтобы он не оставлял беспорядок до утра. Муж раздражённо поднялся, отнёс тарелку на кухню и пробормотал что-то о её придирках.

Галина вернулась в спальню, выпила назначенное лекарство и легла. Нога по-прежнему побаливала, хотя восстановление постепенно шло своим чередом. Женщина выключила свет, но ещё долго не могла уснуть, прислушиваясь к звукам телевизора за стеной. Она думала о предстоящем месяце, о собственных расходах и о том, насколько далеко Станислав намерен зайти со своими требованиями. Больше всего её раздражало, что муж совершенно не пытался понять её положение. Он словно получал удовольствие от возможности объяснять взрослой самостоятельной женщине, как она должна распоряжаться деньгами, и каждый раз оставался доволен собой, когда она вынуждена была отказаться от очередной покупки.

Наконец Галина повернулась на бок и натянула одеяло повыше. Она уже не собиралась снова просить мужа пересмотреть бюджет или убеждать его в очевидной несправедливо-

сти. За прошедший месяц женщина достаточно наслушалась разговоров о равноправии, чтобы понять: одними словами ничего изменить не удастся. Станислав хотел жить по новым правилам, и Галина решила, что больше не станет ему препятствовать. Только теперь ей хотелось внимательно посмотреть, насколько понравятся мужу собственные требования, когда выполнять их придётся не одной жене. С этой мыслью она наконец закрыла глаза, твёрдо намереваясь при первом же удобном случае вернуться к разговору о том, что именно супруги обязаны делить пополам.

ГЛАВА 3. ОБЩАЯ КОФЕМАШИНА

Галина услышала, как

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.